



**Андрей  
Правов**

---

---

**ИНТИФАДА**

# Андрей Иванович Правов

## Интифада

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=22826305](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22826305)*

*Интифада: Человек; Москва; 2011*  
*ISBN 978-5-904885-22-9*

### Аннотация

В переводе с арабского языка слово «Интифада» означает «Избавление». Но в арабском мире оно чаще сегодня употребляется как обозначение борьбы палестинцев против Израиля и определяется как «Народное восстание». Израильтяне же однозначно ассоциируют это слово с «террором исламистов», против которого они ведут непримиримую борьбу. А поэтому и участники Интифады для одной стороны являются террористами, а для другой – героями, борцами против оккупации и за справедливость. Кто прав? Кто виноват? Как разорвать «замкнутый круг насилия»? Автор книги, безусловно, не берет на себя наглость заявлять, что знает ответы на эти непростые вопросы. Все годы командировки на Ближнем Востоке (1999 – 2003) он пытался, насколько это удавалось, писать свои информации, репортажи и комментарии как бы «над схваткой», приводя для читателя максимально подробно и израильские и палестинские аргументы. Именно такую задачу он ставил перед собой и трудясь над этой книгой.

# Содержание

От автора	5
Посланник из далекого прошлого	9
Марк ступил на «скользкий» путь	16
Живи, да радуйся!	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

# Андрей Правов

## Интифада

© Правов А.И., текст, 2011

© Издательство «Человек», оформление, издание, 2011

\* \* \*

## От автора

За высокими каменными стенами Старого города в Иерусалиме, в глубине торговых рядов, прямо на многовековой булыжной мостовой сидит на корточках старик-араб и курит кальян. Не обращая внимания на проходящих мимо туристов, старик, кажется, полностью увлечен своим занятием, сосредоточенно пуская ароматный дым из мундштука на гибкой трубке.

Согласно преданиям, отдельные, немногочисленные, булыжники мостовой могут помнить прикосновения босых ног Иисуса Христа, пронесшего свой Крест через пролежавший здесь Скорбный путь – к горе Голгофа. Кажется и сама фигура старика с кальяном взята из глубины веков. Во всяком случае, легко можно себе представить, что кто-то очень похожий на него без малого две тысячи лет назад также сидел на корточках на этом самом месте, наблюдая путь Христа в терновом венце на голове.

Это арабский квартал Старого города. В нескольких сотнях метров от него располагается еврейский. Поколения их обитателей существуют по соседству с давних времен и, как иной раз философски шутят и арабы и евреи, все они просто «обречены» жить бок о бок друг с другом вероятно всегда.

И многие века сидящие на камнях мостовой Старого города арабы с кальянами никак не реагируют на проходящих

мимо верующих евреев в черных одеждах, ведущих за руки маленьких мальчиков с кипами на головах. Да и устремляющиеся молиться к Стене Плача иудеи не обращают никакого внимания на мусульман, поднимающихся по лестнице вверх, на Храмовую гору, к мечетям.

Но в последние годы все они «почему-то» явно предпочитают меньше общаться между собой. И даже, опять же «почему-то», довольно часто друг в друга стреляют. Кажется, что здесь в самом воздухе «висит» напряжение.

На Святой земле почти бесконечно идет *Интифада*. В переводе с арабского языка это слово означает *Избавление*. Но в арабском мире оно чаще сегодня употребляется как обозначение борьбы палестинцев против Израиля и определяется как *Народное восстание*. Израильцы же однозначно ассоциируют это слово с «террором исламистов», против которого они, как это постоянно подчеркивается, ведут «непримиримую борьбу». А поэтому и участники *Интифады* для одной стороны являются героями, борцами против оккупации и за справедливость, а для другой – террористами.

История последних десятилетий знает две *Интифады*. Первая началась в 1987 году и завершилась после подписания Норвежских соглашений в августе 1993 года и создания в 1994-го Палестинской автономии. Вторая стартовала осенью 2000-го, и ее непосредственным поводом стало посещение известным израильским политиком Ариэлем Шароном Храмовой горы. Формально второе *Народное восстание* па-

лестинцев, названное «*Интифадой Аль-Акса*», не закончилось до сих пор, поскольку никакого акта или указа со стороны палестинских лидеров о ее прекращении не было.

На Святой земле, правда намного реже, но все-таки продолжают рваться бомбы арабских шахидов, уносящие жизни евреев. Активисты ХАМАС стреляют ракетами из сектора Газа по израильским городам. А самолеты ВВС Израиля наносят ракетные удары по сектору Газа, убивая палестинцев, а в населенных пунктах Западного берега реки Иордан время от времени проводятся жесткие операции израильской армии. И конца этой «кровавой бани» пока не видно.

Уже многие годы на Ближнем Востоке существует некий «замкнутый круг насилия». За терактом часто доведенных до отчаяния палестинцев следует армейская операция возмущенных израильтян, за операцией, «в ответ» – очередной теракт после чего, опять же «в ответ» – новая операция. И уже давно невозможно определить «кто все-таки первый начал». Да никто и не пытается ответить на такой вопрос. При этом все четко понимают, что «круг насилия» выходит уже на очередной, еще более высокий, более жесткий и кровавый, виток спирали.

Евреи обвиняют в насилии палестинцев, которые, дескать, и развернули «*Интифаду Аль-Акса*». Арабы, в свою очередь, подчеркивают, что именно израильтяне спровоцировали очередное *Народное восстание* на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, отказав палестинцам в закон-

ном праве на создание собственного государства и продолжая оккупировать их земли.

Кто прав? Кто виноват? Как «разорвать» порочный «круг насилия»? Как прекратить убийства на Святой земле?

Конечно же, я, как автор, ни в коем случае не беру на себя смелость, а точнее сказать даже наглость, заявлять, что знаю ответы на эти вопросы, отдавая себе отчет в тщетности усилий изобрести некий свой, эксклюзивный, «рецепт лечения болезни», над составлением которого уже многие десятилетия бьются самые талантливые политики и миротворцы.

К тому же я не являюсь сторонником позиции какой-либо из сторон. Все годы командировки на Ближнем Востоке (1999–2003) я пытался, насколько это удавалось, писать свои информации, репортажи и комментарии как бы «над схваткой», приводя для читателя максимально подробно и израильские и палестинские аргументы. Именно так я поступаю и на этот раз.

Все герои книги вымышлены. Но они существуют в реальное время и перемещаются по Израилю и Палестинской автономии по тем же маршрутам, что некогда довелось и мне в преддверии *«Интифады Аль-Акса»*, а затем и в самые трудные и кровавые годы этого *Народного восстания*.

# Посланник из далекого прошлого

## *Мытищи (Московская область), август 2010 года.*

Марк, стоявший недалеко от здания вокзала в Мытищах, выглядел очень одиноким, несчастным и даже казался несколько странным. Прежде всего, Панов отметил про себя, что друг его детства был одет в какой-то нелепый длинный черный плащ, от которого, как казалось, на всю привокзальную площадь веяло нафталином. Скорее всего, подумал он, это сшитое из модного в пятидесятых годах габардина «рубище» принадлежало еще отцу Марка – скромному советскому инженеру Льву Исааковичу Лурье, покинувшему этот мир еще лет сорок назад. Возможно даже, что в те годы плащ был его парадной одеждой, что называется «на выход».

Из-под длинного плаща торчали тонкие ноги в коротких черных брючках, светлых носках и коричневых сандалиях. Дополнял картину длинный старомодный зонт тростью и внушительных размеров разноцветная клетчатая сумка из прочного пластика с тесемочками, с какими в начале девяностых годов колесили по миру решившие тогда срочно «делать деньги» российские «челноки». Ну, просто какой-то посланник из далекого прошлого!

Впечатление нелепости вида Марка усиливала располо-

жившаяся неподалеку группа молодых людей, одетых, как и положено в невероятно жаркие в августе 2010 года в Москве и Подмоскowie дни, в легкие майки и джинсы, в соответствии с нынешней модой рваные на коленях. Ребята сидели на скамейке возле автобусной остановки и, казалось, не обращали никакого внимания на странного вида пожилого мужчину. Рослый бритый наголо парень довольно уверенно исполнял на гитаре известную мелодию ансамбля «Биттлз», а пара симпатичных длинноногих девушек совершенно профессионально тянули на два голоса слова: «Yesterday, all my troubles seemed so far away...»

«Вряд ли, – пришло в голову Панову, – эти ребята даже подозревают, что исполняют сейчас самую любимую песню стоящего рядом странного вида человека в нелепой старомодной одежде».

Между тем Марк действительно очень внимательно наблюдал за музыкантами, и, казалось, не обращал никакого внимания на всех остальных людей на площади. Включая Панова, подошедшего вплотную к автобусной остановке, и, дабы не прерывать «кайфа» человека в габардиновом плаще, усевшегося на соседнюю скамейку.

«Пусть послушает, – подумал Панов. – Наверное, сейчас молодость вспоминает. Ох, как давно все это было...»

В конце шестидесятых годов молодой и полный самых радужных надежд на будущее Марик Лурье действительно был фанатом «Биттлз», и исполнял песни «Ливерпульской чет-

верки» под гитару вовсе не хуже, чем это делал сейчас парень с бритой головой. Только носил он тогда длинные волосы, да и джинсы были не рваными, а новенькими, как казалось, даже блестящими темно синим отливом на солнце. Друзья купили две одинаковые пары джинсов фирмы «Lee» у известной в те годы в Москве спекулянтки тети Сони, раскошелившись по 50 рублей каждый.

Сейчас от того модного московского юноши, любившего сходить в кафе «Аэлита» на Садовом кольце или попить коктейль в баре на седьмом этаже гостиницы «Варшава» на Октябрьской площади, не осталось и следа. Перед Пановым стоял несчастного вида плохо одетый старый еврей, который, судя по всему, уже много лет назад махнул рукой на свой внешний вид.

«Хорошо, что хотя бы черную шляпу не надел, как он ходит в Израиле, – подумал Панов. – Куда все-таки девался тот парень, не пропускавший лет сорок назад возможности «прошвырнуться» по улице Горького? Причем с заходами в самые модные кафе. Нет его больше. Исчез. Трансформировался в совершенно другое существо».

Да и былая уверенность молодого Марка в своих силах и, как многим когда-то казалось, непомерная юношеская наглость, граничившая с откровенным нахальством, совершенно растворились. Нет, не походил этот пожилой человек в плаще на того преуспевавшего выпускника механико-математического факультета МГУ, который остался в памяти Па-

нова. Нынешнее от него впечатление – полный неудачник.

За час до встречи Марк позвонил Панову и заискивающим тоном попросил подъехать за ним в Мытищи. Он начал долго рассказывать, что добрался до Мытищ самостоятельно, но вот теперь все же придется за ним туда подъехать, поскольку он совершенно не в курсе, как и куда ему передвигаться дальше.

– Что-то ты, Марк Львович, стал уж очень щепетильным, – пытался по телефону шуточным тоном прервать поток извинений друга Панов.

Однако Лурье не сдавался. Он продолжал объяснять, что не хотел лишней раз беспокоить своего друга, заставляя его ехать встречать его в Москву, или, тем более, в аэропорт. Поэтому, дескать, он самостоятельно добрался из Домодедово на электричке до Павелецкого вокзала, оттуда на метро, по «Кольцевой» линии, проехал уже до вокзала Ярославского, а там, опять же, сел на электричку, до Мытищ.

Всю эту информацию Лурье заново начал излагать Панову, как только отвлекся от восприятия музыки и заметил того, сидевшего на скамейке неподалеку.

– Извините, Алексей Константинович, – робко бормотал Марк, – что я вас потревожил...

– Нет, у тебя точно крыша поехала, – воскликнул Панов. – Какой я для тебя Алексей Константинович?! Мы выросли вместе. Так что вместо того, чтобы бормотать эту галиматью, лучше, как и должен поступить истинный друг детства, об-

ними меня при встрече. Ты один приехал? Или с женой?

– А разве, Алеша, ты не знаешь? – серьезно изумился Марк. – Даля умерла. Она так и не смогла пережить гибель наших детей. Я теперь живу совершенно один.

– Я тоже. Так что некоторое время поживем вместе. Как я тебе уже говорил по телефону, в моей московской квартире на Большой Полянке я бываю редко. Особенно летом. Работа у меня надомная. Так, пописываю статейки на компьютере для одной газеты и передаю их в редакцию по электронной почте. Еще книжки пишу. А поэтому спокойно живу за городом. В поселке Никульское. Здесь недалеко, пятнадцать километров. Там я для тебя приготовил комнату. Но ты мне так и не сказал, зачем прилетел в Москву?

– На похороны. Умерла моя теть, родная сестра матери. Вера Соломоновна. Ты ее должен помнить...

– Что-то припоминаю...

– Ну, не важно. Последние годы она жила в доме престарелых и после смерти выяснилось, что у нее в Москве вообще нет родственников. Представитель администрации дома связался по телефону со мной, в Израиле, и я сразу же вылетел сюда. Уже завтра поеду заниматься похоронами.

– У тебя совсем не осталось родственников в Москве?

– Нет, не осталось. Негде даже остановиться. Перед отъездом мы продали нашу квартиру. За три тысячи долларов. И дачу – за две тысячи. В 1992 году казалось, что это большие деньги. А теть Вера сдала свою квартиру государству,

для того, чтобы получить место в доме престарелых. Поэтому я и решил позвонить тебе. Попросить меня приютить на недельку.

– И правильно сделал. Живи хоть год.

– Нет, мне надо скорее возвращаться. Я работаю консьержем в одном из домов. И меня предупредили, что если через пару недель не вернусь, возьмут другого человека. Желających найти работу очень много. А я живу на эти деньги...

– Ладно, пока что садись в машину, и жди, – сказал Панов, нажимая на кнопку брелка с ключами. – Надо как-то отметить нашу встречу. Иними ты, наконец, этот плащ. Тебе что не жарко?

– Да, конечно. Но я побоялся его снять, поскольку в кармане все мои документы и деньги.

– Положи в машину, никто не тронет.

Автомашина «квакнула», давая понять, что ее двери открылись. Марк положил пластиковую сумку в багажник, а плащ на заднее сидение, покорно усевшись рядом.

А Панов направился на площадь, к магазину. Там он, ни минуты не сомневаясь, купил дорогую бутылку виски ноль семь литра и литровую бутылку с содовой водой. Затем зашел на рынок и бросил в сумку пару килограммов помидоров и огурцов, а также зелень. Завершением покупок стали большой кусок свиного окорока, батон сухой колбасы, ломоть сыра и несколько горячих лепешек.

– Ну, все, – сказал, садясь в машину, Панов, – поехали.

Сколько мы с тобой не виделись?

– Семь лет, Алеша, семь лет. Много за это время произошло. Много изменилось, – залепетал Марк и, как показалось Панову, он даже прослезился.

# Марк ступил на «скользящий» путь *Москва, 60-е – 70-е годы.*

Все два дня, прошедшие после звонка Лурье из Израиля до их встречи в Мытищах, Панов думал о прошлых годах, о прожитой жизни. С Марком и без Марка.

Так уж получились, что друзья детства расставались, как им казалось «навсегда», уже несколько раз. В раннем подростковом возрасте, одетые в одни только длинные синие сатиновые трусы и сандалии на босу ногу, они вместе гоняли на велосипедах по многочисленным закоулкам дачных поселков вблизи станции Мамонтовская под Москвой. У семьи Льва Исааковича Лурье была там своя дача. А мать еще совсем юного Алексея Панова Александра, вместе с сестрой Лидией и ее мужем Петром Григорьевичем, несколько лет снимали полдома по соседству. В Мамонтовке ребята и подружились.

Но затем, в начале шестидесятых годов, родственники Панова снимать дачу перестали, предпочтя этому виду летнего отдыха поездки на автомашине, которую приобрел Петр Григорьевич, или дядя Петя, как называл его тогда еще подросток Алеша Панов. На модном в те годы «Москвиче» они исколесили всю Прибалтику, ездили в Закарпатье, на южные морские курорты и так далее. Панов был школьником, мать

и дядя Петя – преподавателями вузов, а тетя Лида вообще не работала. Так что летние каникулы касались всех, отпуск был длинным, а поездки длились подолгу, по два с лишним месяца. Впечатлений было очень много.

Так продолжалось три года. В то время друзья были абсолютно уверены, что расстались уже навсегда. Тем более, что и интересы у них оказались совершенно различными. После окончания школы Алексей Панов пошел учиться в московский институт иностранных языков, недолгое время работал гидом-переводчиком «Интуриста», а затем удачно устроился на работу в крупнейшее журналистское Агентство. А Марк Лурье предпочел МГУ, где познавал все премудрости физики и математики, позже став младшим научным сотрудником одного из крупных столичных научно-исследовательских институтов.

Однажды, в середине шестидесятых годов, они пересеклись в известном и очень популярном тогда в Москве пивном баре «Пльзеньский» в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Этот огромный деревянный павильон появился на набережной Москвы-реки еще лет за десять до их встречи, в дни проведения выставки Чехословакии в СССР. Но после закрытия экспозиции было принято решение пивной бар оставить и в летние месяцы снабжать его бочками с пивом из самого Пльзеня. То есть, как объясняли самые ревностные московские почитатели пенного напитка, из «пивной столицы» Западной Чехии.

Отсюда и название «Пльзеньский», или сокращенно «Пльзень», даже «Пиль». Пиво в баре действительно было отменным. Настоящий чешский «Праздрой». Правда цены кусалась, особенно для студенческого кошелька. 32 копейки за кружку. В середине шестидесятых годов это казалось дорогим, поскольку бокал «Жигулевского» в пивной палатке напротив дома Панова на Большой Полянке стоил 22 копейки. Но ничего, как-то справлялись. Даже настоящими «шпикачками» закусывали, по 50 копеек за порцию. К тому же к моменту встречи и Алексей, и Марк уже «свои университеты» заканчивали, и оба подрабатывали, как могли. Первый – переводами, второй – уроками математики для школьников. Так что деньги у них водились.

Друзья детства остались друг другом довольны. Оба выглядели очень модными и могли спокойно выпить за время застолья по 12 кружек пива. К тому же в тот вечер в баре выяснилось, что занимавшийся с раннего детства музыкой Марк прекрасно играл на гитаре, и вместе с Пановым они тогда же, в «Пльзене», исполнили на два голоса ту самую «Yesterday», которая спустя много лет Лурье с ностальгией слушал у вокзала в Мытищах. Пели они тогда и «Yellow submarine», и «Girl», а «на закуску» предложили вниманию окружающих ставшую в те годы очень популярной песню американских борцов за права негров «We shall overcome...» Посетителям бара их пение понравилось. И к столику, за которым собрались друзья и их кампания, в тот вечер офици-

анты то и дело несли «халявное» пиво – от благодарных слушателей.

Алексей и Марк снова начали встречаться и одно время даже намеревались создать музыкальную группу. Но не вышло. Время совместных походов в «Пльзень», равно как и в другие московские кафе и рестораны, для друзей оказалось недолгим. Года два, не больше. Оба они тогда встретили на своем пути подруг жизни и довольно быстро женились. Правда Панов также быстро и развелся, не прожив со своей Светкой и года. Лурье же оставался верен Дале всю жизнь, до ее смерти в Израиле.

Это, скорее всего, и предопределило их новое длительное расставание. Жена Марка Алексея сильно невзлюбила. Прежде всего, она была уверена в том, что развод Панова – дурной пример для ее мужа. К тому же новая «пассия» Алексея по имени Татьяна производила на Далу, а точнее Далию Натановну Коган, самое отрицательное впечатление, поскольку та никогда не отказывалась от рюмки водки. Для жены Марка это было совершенно не понятно. Ее дед был раввином, она была воспитана в религиозной еврейской семье, и в принципе крайне подозрительно относилась ко всем, кто не исповедовал иудаизм, то есть, как она говорила, к «гоям». А тут еще и сильное пристрастие, как ей казалось, подруги Алексея к алкоголю. Нет! Такие друзья точно не для ее Марика!

Вскоре Панов стал замечать, что друг его детства стано-

вился все более странным. Он перестал модно одеваться, спрятал куда-то в «дальний ящик» долгое время вызывавшие зависть сверстников многочисленные английские свитера и американские джинсы, и каждый день, включая выходные, ходил в одном и том же потертом черном костюме.

Потом общие знакомые донесли, что видели Лурье, направлявшегося вместе с женой в синагогу. А позже Марк вдруг попросил Алексея не звонить ему по телефону вечером в пятницу и по субботам. Опять же общие знакомые объяснили совершенно не разбиравшемуся в тонкостях иудаизма Панову, что Лурье, по указанию жены, блюдет Шабат, а значит с вечера в пятницу по вечер в субботу, ни на что не отвлекаясь, посвящает себя исключительно молитве.

Естественно, что Панов, как и большинство выходцев из московских интеллигентных семей, никогда не был антисемитом. Он всегда руководствовался принципом, что не существует плохих или хороших национальностей или религий. Есть просто плохие и хорошие люди. В одном классе в школе с ним вместе учились русские, татары, евреи и даже один мальчик с немецкой фамилией Гросс. Но никогда никому из одноклассников и в голову не приходило делить друзей по национальностям. Все вели себя одинаково. Вместе шалили, а потом и шпанили, вместе прогуливали уроки. А в старших классах вместе курили в школьных туалетах и даже пили по вечерам на лавочках сладкое крепленое вино.

«Эпоха» анекдотов про евреев началась позже, уже когда

Алексей учился в институте. С середины шестидесятых годов они в основном были посвящены все более усиливающейся эмиграции евреев из СССР в Израиль. Но в то время Марк Лурье, как казалось, был нормальным парнем, никогда на такие анекдоты не обижался и даже сам любил их рассказывать.

– Ты знаешь, что в Тель-Авиве недавно поставили памятник Юрию Гагарину? – как-то с подвохом спросил он Алексея.

– Не слышал. А почему?

– Потому что он первый сказал: «Поехали...»

Или другой анекдот на эту же тему. В Одессе, к группе стоящих на Дерибасовской улице и о чем-то оживленно беседующих евреев подходит еще один и, не вникая в смысл разговора, сразу же выпаливает: «Я не знаю, о чем вы здесь говорите, но ехать надо...»

Все это, конечно же, казалось смешным. Тем более для молодого Панова, который смотрел на данную проблему совершенно отвлеченно, со стороны. Ему и в голову не могло прийти, что она как-то затронет его друга, то есть Марка. Алексей никогда не ощущал его человеком, чем-то отличавшимся от него самого. Воспринимал Лурье такие же парнем, как и все остальные его друзья – товарищи, с такими же радостями и печальями.

– У тебя что, крыша поехала? – спросил тогда Марка Алексей.

– Ты ничего не понимаешь в наших делах, – резко ответил тот. – Ты рожден в русской семье, я – в еврейской. А это – разные миры.

– Перестань. Не сходи с ума, Марк, – не унимался Панов. – Пойдем лучше в «Варшаву», выпьем по паре коктейлей «Таран». Может быть, они твою голову прочистят от дури?

– Я на верном пути, – уверенно возразил Лурье.

– Ну-ну, посмотрим, как оценит твои новые взгляды руководство НИИ? Ты что, на карьере решил крест поставить?

– А для меня это уже не важно.

– Может быть, ты еще и в Израиль решил уехать?

– Нет, пока не решил. Но все может быть...

– Та-а-к, я думаю, в партийной организации твоего института не придут в восторг от новости, что молодой советский ученый, прошедший в университете курс марксизма-ленинизма и научного атеизма, неожиданно превратился в религиозного иудея и вынашивает планы уехать жить поближе к Голде Меир и Моше Даяну...

– Ты не понимаешь, о чем говоришь. Что плохого в том, что евреи хотят вернуться на родную землю? Туда, где когда-то жили их предки?

– А я почему-то думал, что родная земля для тебя – это Москва, где ты родился? Или подмосковная станция Мамонтовская, где мы когда-то вместе проводили лето? Куда уезжать? Почему? Ведь все корни здесь.

– Это у тебя, поскольку ты – русский. А у меня – нет.

– А ты знаешь, я никогда не различал своих друзей по принадлежности к той или иной национальности. Но вот теперь, видишь, выясняется, что у тебя свой, «только еврейский», путь.

– Времена меняются...

– Да. Жаль только, что ты добровольно себе жизнь ломаешь. Кому ты, на хрен, нужен в этом Израиле? Какой ты религиозный еврей? Ты что Тору изучил?

– Изучаю.

– Для чего же тогда ты пять лет в МГУ учился? Математику с физикой познавал? Пройдет совсем немного времени, и ты сам увидишь, что путь в науку тебе в СССР будет закрыт. Мы живем в такой стране. С этим необходимо считаться. Для чего тебе это надо? Рассчитываешь, что тебя в Израиле возьмут на хорошую научную работу? Не уверен. Лучше бы тебе все-таки в твоём НИИ попробовать карьеру сделать.

Алексей Панов знал, о чем говорил. За окнами уже стояла первая половина семидесятых годов. Это было время разгара борьбы власти в СССР со все более разраставшимся движением диссидентов, к которому в том числе примыкали некоторые советские евреи – «отказники».

Несколько позже, в связи с вводом советских войск в Афганистан, «холодная война» резко усилилась, противостояния между Москвой и Вашингтоном еще более обострились. И любое инакомыслие, в том числе и религиозное, не толь-

ко не приветствовалось, но жестко преследовалось, поскольку считалось властью проявлением враждебности к дорогим для советских людей ценностям.

Конечно же, во времена Леонида Брежнева эти преследования даже отдаленно не напоминали сталинские репрессии конца тридцатых годов. Но работавший в Агентстве, то есть в одном из главных институтов советской пропаганды, Алексей Панов прекрасно понимал, что путь, на который ступил Марк, был очень «скользким». Если он, может быть, и не вел в «психушку», в которую на тот момент уже препроводили нескольких наиболее активных диссидентов, то уж, во всяком случае, четко не способствовал карьерному росту молодого советского ученого по основной специальности.

Но, вскоре поняв, что переубедить Марка ему все равно не удастся и немного поразмыслив, Панов решил, от греха подальше, общение с Лурье прекратить. Тем более, что ему также сильно надоели укоризненные взгляды, которые бросала в его сторону при встречах друзей Даля.

«Если нравится, пусть ходит в синагогу, – подумал Алексей. – Или едет на постоянное место жительства в Израиль. Но все это уже будет происходить без него. В конце концов, каждый сам выбирает свой путь».

Панов тогда, как ему казалось, старался брать от жизни все. Он с увлечением работал на московской Олимпиаде, интервьюировал заезжих в Москву американских активистов «движения сторонников мира», критиковавших по-

литику Рональда Рейгана и ратовавших за прекращение «холодной войны». Ходил из Ленинграда в Минск «маршем мира» вместе с активистами антивоенного движения Скандинавии. Увлёкся Востоком. Сначала много писал о событиях в далекой Кампучии, об обострении отношений между Китаем и Вьетнамом. Затем активно взялся за ближневосточную тему. Встречался с палестинцами, оказавшими вооруженное сопротивление израильским войскам в Ливане летом 1982 года. Летал в пионерский лагерь «Артек», куда из захваченного израильской армией Бейрута вывезли сотни арабских детей.

Маячила перспектива поездки во Вьетнам, в Афганистан, а может быть и на Ближний Восток. И рисковать такой интересной будущей работой ради, как он был уверен, очень сомнительных устремлений своего «свихнувшегося» друга детства, Панов был четко не намерен.

Так что никаких с ним встреч! Тем более, что, как все более становилось очевидным, и сам Марк Лурье к каким-то контактам с ним склонен не был. У него дома, как рассказывали, собиралась уже совершенно иная компания. Его друзья учили иврит и готовились к выезду в Израиль. А некоторые из них даже принимали участие в шумных акциях на улицах Москвы с требованием «не препятствовать отъезду советских евреев на их историческую родину».

Летом 1973 года в семье Лурье появилось прибавление. Родился сын Натан, названный так в честь отца Дали. А за-

тем, через два года, появилась дочь Соня, получившая свое имя уже в честь матери Марка Софьи Соломоновны. Как тогда понял Алексей, его другу становилось уже не только «не до песен», но и не до диссидентства. Все время занимала мысль, где взять деньги для того, чтобы содержать жену, ребенка и престарелую мать.

К тому моменту Марк уже несколько лет работал в НИИ, где, как считала его мама, «к ее мальчику относились не справедливо». Женщина с момента рождения сына была убеждена в его неповторимости и исключительной гениальности. Она искренне верила, что он станет ученым с мировым именем. Однако таким ее оценкам вовсе не соответствовали зарплата Марка в 120 рублей в месяц и крохотная двухкомнатная квартира в пятиэтажной «хрущевке» на улице Нагорная, полученная еще старшим Лурье в середине шестидесятых годов. Ужаснее всего для Софьи Соломоновны была сама мысль о том, что у ее сына по сути дела нет никакой перспективы как-то изменить свою жизнь.

Тем не менее планы Марка и его жены уехать из СССР она все же не одобряла. Более того, женщина с самого начала довольно отрицательно отнеслась к увлечению сына религией и обычно даже воздерживалась от походов в гости к родителям Дали. Софья Соломоновна была воспитана на идеях социалистической революции, которые в свое время всячески «претворял в жизнь» ее отец, близкий к Льву Троцкому. Правда такая его близость в тридцатых годах обер-

нулась для Соломона Розенблюма арестом, после которого, как тогда говорили, он «сгинул». В начале пятидесятых годов арестовали и мужа Софьи Соломоновны Льва Исааковича. Хотя тот, как считали все знакомые, ничем опасен для Советской власти быть не мог. Так, работал скромным инженером. Совершенно безобидный человек. Но через пять лет Лурье-старший из лагеря вернулся, снова устроился на прежнее место работы и даже получил двухкомнатную квартиру, куда вместе с женой и сыном переехал из комнаты в огромной коммуналке на Чистых прудах.

Отец Алексея Панова, известный в свое время советский кинорежиссер, также прошел через арест и ссылку. Но уже совершенно по другим причинам. С соратниками Троцкого, как и всех других «пламенных революционеров», Константин Иванович никогда не дружил, а, напротив, «всех этих большевиков» сильно недолюбливал. Его даже подозревали не просто в симпатии к контрреволюции, а в том, что короткое время, окончив в Воронеже гимназию, он ушел воевать на стороне «белой армии».

Доказать это никто не смог, но в начале 1941 года отца Алексея все равно арестовали. Вернулся он в Москву уже только в конце 50-х годов и вскоре умер. Некоторое время этот фактор, конечно же, сказывался на жизни семьи. Но в семидесятые годы, а тем более в начале восьмидесятых подобные родственные связи уже мало кого волновали.

Панов отчетливо понял это, поступив на работу в Агент-

ство. И рисковать он не хотел. Любая журналистская карьера в середине семидесятых – начале восьмидесятых годов могла легко оборваться, если бы кто-то рассказал «где надо» о том, что он дружит с диссидентом, притом с активным участником движения за выезд евреев из СССР в Израиль.

Тем более, что «еврейский вопрос» тогда Алексея волновал мало, исключительно на уровне анекдотов. Зачем ему думать о проблемах евреев? Против них он ничего не имеет. В существование какого-то «всемирного еврейско-масонского заговора» не верит. Но и как-то поддерживать идеи сионизма, или симпатизировать им, не собирается! Даже при условии, что в целом неплохо относится к Марку Лурье.

Панов уже начинал ездить в загранкомандировки. Первое время в короткие, а затем и в долгосрочные. Сначала был Вьетнам, затем Афганистан. Друга своего детства он потерял из виду надолго. И услышал о нем только в конце августа 1992 года, когда окончательно вернулся из Кабула. Именно тогда, за праздничным ужином в честь его возвращения, мать и рассказала Алексею, что семья Лурье уехала в Израиль. Причем произошло это всего за неделю до приезда Панова.

Мать говорила, что пару дней назад случайно встретила в магазине «Ванда» на Большой Полянке с теткой Марка Верой Соломоновной, которая также в свое время жила на даче Лурье в Мамонтовке. Та поведала ей, что с началом девяностых годов жизнь семьи ее сестры стала почти невозмож-

ной. Марка окончательно уволили с работы, и он перебивался случайными заработками, за гроши давая уроки математики школьникам. Даля была даже вынуждена мыть полы в чужих домах. Сын только что закончил школу, а дочь уже училась в старших классах. Оба они собирались продолжить образование в высших учебных заведениях, но очень сомневались, что их примут на бесплатное отделение. А было совершенно ясно, что платить за учебу детей Марку нечем. Софья Соломоновна страдала от диабета, но в семье даже не хватало денег на инсулин. В-общем, ужасная ситуация, резюмировала рассказ мать.

– Ну и правильно сделали, что уехали, – четко выразил свое отношение к поступку семьи Лурье Панов. – Что им здесь ловить? Нищету? Правда, насколько я слышал, и в Израиле наши бывшие соотечественники чаще живут трудно. Мужчины идут работать грузчиками, а женщины моют полы или ухаживают за чужими стариками. К тому же там сильно стреляют. Идет Интифада.

– А что это такое? – удивилась, услышав совершенно незнакомое слово, мать.

– Это значит народное восстание. Палестинцы требуют создания своего государства, как им было обещано ООН еще в сороковые годы. И они четко не отступят, пока не добьются своего. А, между тем, израильтяне, похоже, не очень-то соглашаются на то, что такое государство должно быть создано. Вот евреи и арабы и воюют друг с другом. До бесконеч-

ности. Каждая сторона надеется победить. Так что спокойная жизнь семье Лурье в Израиле вряд ли светит. Но, дай им Бог всего самого лучшего. Может быть, все у них там сложится хорошо?

– А тебе не грустно, что ты уже больше никогда не встретишься с другом твоего детства? – спросила всегда склонная к сентиментальности мать.

– Да, ладно тебе. Во-первых, важно не то, встречусь я с ним или нет, а то, чтобы он там хорошо устроился. А во-вторых, ты же сама в свое время преподавала английский язык и знаешь поговорку «Never say «Never», то есть «Никогда не говори «Никогда». Все еще может измениться. Может быть, обстановка там нормализуется, и мы с тобой как-нибудь в Израиль туристами поедем. Красивая, говорят, страна. А может быть они к нам приедут, в гости.

– Не думаю, – сокрушенно покачала головой мать. – Марка ты уже никогда не увидишь...

«И все-таки мать тогда оказалась не права. С Лурье они встретились относительно скоро», – подумал Панов, вырвав машину мимо поселка Пирогово, в сторону Жостово и почти не слушая причитания Марка, вновь начавшего извиняться «за причиненные неудобства»...

# **Живи, да радуйся!**

## ***Тель-Авив, март 1999 года.***

Через шесть с половиной лет после памятного разговора с матерью Алексей Константинович Панов – журналист известного российского информационного Агентства, спустился по трапу самолета, прибывшего в международный аэропорт имени Бен-Гуриона в Тель-Авиве. После возвращения из Афганистана позади была еще и долгосрочная командировка в Пакистан, а затем год работы в редакции информации. И вот новое назначение – на Ближний Восток, корреспондентом Агентства в Израиле и Палестинской автономии.

После еще зимней и заснеженной Москвы со скользкими надолбами льда на тротуарах Тель-Авив встретил Панова ярко светившим солнцем и почти безоблачным голубым небом. Картину Рая на Земле дополняли пальмы на фоне спокойной синей водной глади Средиземного моря. Красота, да и только! Живи, да радуйся! Можно даже сказать, что в тот момент Панов был счастлив. Предстоявшие перспективы жизни на Ближнем Востоке выглядели просто великолепными, а работа – очень интересной.

В списке первоочередных дел была обозначена и встреча с Марком Лурье. И не потому, что Панов уж так сильно со-

скупился по другу детства. Нет, здесь он, скорее всего, все же руководствовался «шкурным» интересом. Как ему казалось, обладающий цепким умом и аналитическими способностями, Марк сможет, как никто другой, изложить ему ситуацию в стране и регионе, рассказать много интересного о жизни израильтян. Причем, учитывая годы дружбы, рассказать совершенно откровенно, без оглядок на какую-либо осторожность при общении с иностранным корреспондентом.

Тем не менее, встречу с Марком Панову пришлось отложить на несколько недель. Прежде всего, надо было принимать дела от бывшего корреспондента Агентства. Квартира для жилья, она же служившая корпунктом, Алексею очень понравилась. Прежде всего, ему приглянулся сам жилой комплекс «Андромеда», в котором эта квартира располагалась. Комплекс возвышается на холме, над прилегающим с юга к Тель-Авиву старинным арабским районом Яффо, с его средневековым Старым городом, небольшим морским портом, останками крепостной стены и мощеными камнем улицами. Почти как в музее. Опять же, живи, да радуйся!

Однако времени для «раскачки» Москва Панову не давала. Уже через несколько дней после его приезда предстоял визит в Россию тогдашнего премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, и редакция требовала срочно организовать с ним интервью.

О встрече с главой израильского правительства Алексей

Константинович, несколько неожиданно для себя, сумел договориться довольно легко. Помог пресс-секретарь Нетаньяху – доброжелательный русскоговорящий парень по имени Бени. Он рассказал, что уехал на ПМЖ в Израиль из Москвы еще в начале семидесятых годов. Как выяснилось, раньше, то есть «тогда», в СССР, его имя было Евгений. Но так здесь принято. Советский еврей Женя в Израиле становится Бени, Слава – Шломо, Гриша – Цви и так далее.

Как несколько раз подчеркнул Бени, внимание к визиту Нетаньяху в Москву в Израиле очень большое. Об этом, по его мнению, говорил хотя бы тот факт, что в «свите» премьера в самолете – более десяти журналистов ведущих местных газет. Пришлось даже отказывать многим редакциям. «Что делать? – разводил руками пресс-секретарь. – Ведь самолет не резиновый, всех желающих не возьмешь».

Действительно, как вскоре убедился Панов, израильская пресса предстоявшему визиту уделяла довольно пристальное внимание. Особенно газеты и журналы, выходящие на русском языке. Их в Израиле, к удивлению нового корреспондента Агентства, оказалось более десятка. И все писали о предстоявшем визите. «Русские» израильтяне, как называют здесь всех выходцев из бывшего СССР, вне зависимости откуда они – из России, Молдавии, Узбекистана или Грузии, следят за отношениями их новой родины с Москвой очень ревностно. Ведь от того, насколько они безоблачны, для них зависит многое, прежде всего нормальные связи с

родственниками «там» – на «бесконечных просторах», еще совсем недавно называвшихся Советским Союзом.

Да и для израильских политиков, как выяснялось, отношение к ним русскоязычной общины было также немало важно. Для них «русские» израильтяне прежде всего были избирателями. Как понял Панов, этот фактор во многом и определил, что поездка Нетаньяху в Москву проходила почти в притык перед назначенными на май досрочными выборами в кнессет. Как был уверен тот же Бени, успешный визит Нетаньяху в Россию на «русской улице» могут высоко оценить. Тем более, что, кроме Москвы, израильский премьер намеревался посетить Киев и Тбилиси. Выходцев из Украины и Грузии в Израиле проживает также немало.

С премьер-министром Панов встретился в «святая святых» государства Израиль – в министерстве обороны в Тель-Авиве. Алексей Константинович с интересом рассматривал подробности внутреннего двора комплекса. В центре – высокая башня с антенной. Рассказывают, что в 1991 году именно она служила ориентиром иракцам для нанесения ракетных ударов по Израилю. Однако разорвались СКАДы за несколько десятков километров от комплекса, в городском районе Рамат-Ган.

В интервью российскому корреспонденту Нетаньяху прежде всего дал очень высокую оценку роли русскоговорящей общины в израильском обществе. По его оценкам, эти люди внесли большой вклад в развитие сельского хозяйства

страны, науки, медицины, образования. Русские иммигранты, указывал Нетаньяху, серьезно преуспели в развитии передовых технологий. Им почти нет равных в знании компьютерной техники.

Основные цели визита? Глава израильского правительства определил их в таком порядке. Первая цель – укреплять и без того «достаточно хорошие отношения» с Россией, прежде всего в вопросах экономического сотрудничества и торговли. Вторая же цель – попытаться вместе с Россией решить проблему утечки ядерных технологий в Иран. Эта проблема, дескать, «очень беспокоит наше государство и правительство».

Подобная расстановка приоритетов визита Панова не удивила. Готовясь к встрече, он уже знал, что все будет именно так. Возможно, несколько лет назад порядок целей визита был бы даже обратный. То есть тема Ирана, со всеми опасениями Израиля, что это государство может стать еще одной «ядерной державой», была бы выдвинута на первое место, а экономическое сотрудничество и торговля с Россией – на второе.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.